

ми»⁷⁶. Организация «домов» создавала более или менее благоприятные условия для жизни пленных иноземцев, утративших родину и принужденных трудиться в чуждой им обстановке. Она частично способствовала решению воспроизводства рабочей силы за счет внутренних источников,

получали землю (ХЗ § 40) и «люди оружия», с которыми пленные выполняли *ḫaḫhan* (ХЗ § 112).

⁷⁶ В храме Лелвани это человек по имени Мумупанти, должность которого не указана (Kol. III 32).

А. З. Чернышева

THE CAPTIVES OF THE HITTITES

A. Z. Chernysheva

In Hittite texts the term NAM.RA may apply not only to captured or deported persons but also to possible captives, people whom the rulers of Hatti intended to capture. For the Hittites people.—NAM.RA—were the most important part of war booty. The economic interest of the state in these people arose from the quality of the land, which made cultivation very difficult, and the shortage of hands in the Hittite kingdom. The NAM.RA were first of all captive foreigners who were not representatives of a separate social category. The captives probably did not participate in festivals and rituals. After they were brought into Hatti their fate depended on the palace. Most of them were absorbed into the Hittite category of manual labourers and fulfilled state obligations, and in this sense the NAM.RA were unfree, dependent persons. But their status was different. The «house» system of the NAM.RA was designed to encourage a degree of material interest in their work; it also lessened the need for state supervision of their work and to some extent solved the problem of the reproduction of the work force from internal sources.

ἩΡΩΣ ἩΡΟΔΟΤΟΣ?

Сообщение Свиды о том, что Геродот был погребен в Фуриях на агоре¹, никогда, кажется, не вызывало недоумения. Известно, однако, что древние не хоронили своих мертвых внутри городских стен², agora же, как место священное³, была бы, очевидно, осквернена погружением в ее почву мертвого тела⁴. Предположить, что случай с Геродотом — исключение, было бы очень смело: Фурии должны были — по общему правилу — придерживаться афинских обычаев. Афины, правда, не были признанной метрополией, но отношение к ним было особым, а большую, если не ббль-

¹ Suid., s. v. Ἡρόδοτος... κατέτελεσθαι ἐπὶ τῆς ἀγορᾶς τέθαπται.

² Прямая ссылка на закон — *Plut.*, *Arat.* 53, 2: νόμου δ' ὄντος ἀρχαίου μηδένα θάπτεσθαι τευχῶν ἐντός... ἐπερψαν εἰς Δελφοῦς.

³ Agora находится под покровительством θεῶν ἀγοραίων, особенно — Διὸς ἀγοραίου (*Herod.*, V, 46; *Aristoph.*, *Equ.* 410, etc.) и Ἑρμοῦ ἀγοραίου (*Paus.*, I, 15, 1; *Aristoph.*, *Equ.* 297 et schol.; *Luc.*, *Iup. trag.* 33 etc.). Подробнее см. *Martin R. Recherches sur l'agora grecque. Études d'histoire et d'architecture urbaines. P.*, 1954, p. 174 suiv. На агору нельзя вступать людям опороченным (*Dem.*, XXIV, 60; *Aeschin.*, III, 176), обвиненным в убийстве (*Pollux.*, VIII, 66); каждый входящий на агору должен совершить очищение (*Aeschin.*, I. I. et schol.).

⁴ Святая земля Делоса была осквернена могилами, от которых очищали ее афиняне при Писистрате, а затем в 426 и 422 гг. (*Thuc.*, III, 104; V, 1). Не говоря о скверне (*μασχα*), распространяемой мертвым телом, вряд ли было допустимым и появление в святом месте душ покойников (это относится уже и к кенотафам).

шую, часть жителей составляли афиняне⁵. Между тем именно в Афинах даже величайшие мужи погребались вне городской черты, на агоре не было не только гробниц их, но (в цветущие времена великого города) и статуи — кроме изваяния тираноубийц⁶.

Итак, Геродот не мог как будто быть погребен на агоре. Однако подозревать древние источники Свиды в искажении истины кажется невозможным: Фурии (Сориа) существовали до позднего времени; поверить, что с главной площади могла исчезнуть гробница знаменитого гражданина, трудно. Выяснить, имелась ли таковая вообще, было, следовательно, слишком легко, чтобы до поры до времени кто бы то ни было решился строить на сей счет догадки. То, что могила Геродота существовала долго, засвидетельствовано до некоторой степени и наличием поздней эпитафии (ср. прим. 16).

Избежать возникшего противоречия можно, предположив, что Геродот стал не простым покойником, а $\delta \eta\rho\omega\varsigma$. Агора, как известно, была обычным местом погребения и (или) почитания героев⁷.

Чтобы убедить читателя в предлагаемом, нужно показать, что исключений, т. е. негероических погребений на агорах, по крайней мере до конца V в. не было, или объяснить исключения, если они будут. Далее, причиной оказанных Геродоту чрезвычайных почестей нам не могут не казаться заслуги его как историка. Это так похоже на блаженной памяти Грецию Тэна и Ренана, что нуждается либо в подтверждении сходными примерами, либо — в опровержении.

Итак, известны следующие погребения на агорах⁸: (см. табл. стр. 79—80).

Вряд ли можно оспаривать правомерность распространения на все вошедшие в список случаи сравнительно немногочисленных указаний на героический культ или отдельные отличительные признаки его (№ 1, 6, 12, 13, 16, 18, 22, 24, 26/27, 29), тем более что сообщать в каждом отдельном случае об отправлении культа было бы для древнего писателя столь же излишним и странным, сколь для нынешнего — рассказывая о памятни-

---

⁵ Сторонников Афин в городе во время споров об основателе (*Diod.*, XII, 35, 1—4; см. ниже) так много, что они способны создать затруднения, разрешимые лишь вмешательством Дельфийского бога. То, что известно нам из истории Фурий, свидетельствует о желании сохранить блага народовластия; что речь идет о народовластии афинского образца, можно заключить из стремления избежать пороков, именно афинскому строю свойственных, пример — законы против сикофантов (*Diod.*, XII, 12, 2). Примечательно, что отношения между Афинами и Фуриями оставались безоблачными как раз до той поры, когда в Афинах окончательно утвердились у власти демагоги, ради своей корысти игравшие на худших чувствах истерзанного войной народа.

⁶ *Arist.*, *Rhet.* I, 9, 38 (p. 1368 a 18). Даже во времена Демосфена других еще не было (*Dem.*, XXIII, 196), а во времена Ликурга было очень мало (*Lycurg.*, in *Leosg.* 51). Тираноубийцам воздавались почести едва ли не героические, но не на Агоре, а во Внешнем Керамике (*Arist.*, *Ath. Pol.* 58, 1).

⁷ См., например, *Rohde E.* *Psyche und Unsterblichkeitsglaube der Griechen.* Freiburg i. Br., 1890—1894, S. 149 ff.; *Martin.* *Op. cit.*, p. 197 suiv. Основатели особенно часто, даже, как правило, погребались на агоре (*Schol. ad Pind.*, *Olymp.* I, 149: οἱ γὰρ οἰκισταὶ ἐν μέσαις ταῖς πόλεσιν ἐθάπτοντο ἐξ ἔθους). Неудивительно, значит, и присутствие среди почитаемых на агоре спасителей (и благодетелей), — в том числе освободителей и тираноубийц — виновников своего рода второго рождения города. Известная галикарнасская надпись римского времени, часто цитируемая пишущими о Геродоте (*Jacoby F.* *Herodotos.* — *Suppl. bd.* 2, 1913, Sp. 218), прямо ставит рядом потомков основателей и тираноубийц [(οἱ) ἀπὸ τῶν κτιστῶν καὶ τυραννοκτόνων]. К последним относились бы, очевидно, и потомки Геродота, будь они у него.

⁸ За основу взяты списки Р. Мартена (*op. cit.*, p. 195, 197). Они немного сокращены за счет поздних, сомнительных (в разделе I) и ошибочных примеров. Получившийся список если и не полон, то, во всяком случае, представительен.

⁹ Имена, отмеченные *, связываются в источниках с Дельфами, относительно же основателей вообще следует помнить: *Quam vero Graecia coloniam misit in Aeoliam, Ioniam, Asiam, Siciliam sine Pythio, aut Dodonaeo, aut Ammonis oraculo?* (*Cic.*, *de divin.* I, 2).

№ п/п	Имя; обстоятельства, могущие объяснить погребение на агоре	Век	Город	Почести, источник
Раздел I: Родоначальники, ἀνδρῶν ἠρώων θεῖον γένος, основатели, спасители и благодетели:				
1	ФОРОНЕЙ, с. Инаха, вн. Окееана, первочеловек		Аргос	τάφος; ἐναγίζουσι... καὶ ἐς ἡμᾶς ἐτι τῷ Φορωνεῖ, Paus., II, 20, 3
2	КЕРДО, жена Фороней		Аргос	μνήμα, Paus., II, 21, 1
3	ТЕГЕАТ, с. Ликаона, основатель Тегеи		Тегея	μνήμα, Paus., VIII, 48, 6
4	МЭРА, жена Тегеата		Тегея	μνήμα, ibid.
5	АРКАД*, с. Зевса, родоначальник аркадян		Мантинейя	τάφος, Paus., VIII, 9, 3
6	ЭЛАТ, с. Аркада, основатель Элатеи		Элатея	στήλη, Paus., X, 34, 6
7	ДАНАЙ, с. Бела, вн. Посейдона		Аргос	τάφος, Strabo, VIII, 6, 9 (371)
8	ЭЛЛИН, с. Девкалиона и Пырры		Мелитея	τάφος, Strabo, IX, 5, 6
9	КОРЭВ*, основатель селения Триподиски, избавитель Аргоса: Paus., I, 43, 7—8		Мегара	τάφος, Paus., I, 43, 8
10	МЕДУСА ГОРГОНА (голова)		Аргос	μνήμα, Paus., II, 21, 6—7
11	ГОРГОФОНА, дочь Персея		Аргос	τάφος, Paus., II, 21, 7
12	АДРАСТ, царь Аргоса, один из Семерых против Фив		Сикнион	ἠρώιον... ἐν αὐτῇ τῇ ἀγορῇ, Herod., V, 67
13	ФЕРСАНДР, с. Полиника		Фивы	μνήμα; καὶ ἐναγίζουσι φασίν, Paus., IX, 5, 14
14	ПИТФЕЙ, с. Пелопя		Трезен	μνήμα, Paus., II, 31, 3
15	АНТИНОЯ*, дочь Кефея, по велению Феба привела мантинейцев на нынешнее место: Paus., VIII, 8, 4		Мантинейя	τάφος, Paus., VIII, 9, 5
16	ТАЛФИВИЙ, глашатай Агамемнона	XII	Эгина и Спарта	τάφος; καὶ αὐτῷ αἱ πόλεις ἐναγίζουσι ἀμφοτέραι, Paus., VIII, 24, 1 (ср. III, 12, 7)
17	ОРЕСТ, с. Агамемнона	XII	Спарта	τάφος, Paus., III, 11, 9—10
18	ОКСИЛ, царь Элиды во время возвращения Гераклидов, учредитель игр в Олимпии	XII	Елея	μνήμα... ναοῦ σχῆμα, Paus., VI, 24, 9
19	ПАТРЕЙ, основатель Патр	XII	Патри	τάφος, Paus., VII, 20, 5
20	ФЕРА, основатель города на острове Каллисте	XII	Фера	οἱ Θηραῖοι κατὰ ἔτος ἐναγίζουσι ὡς οἰκιστῇ, Paus., III, 1, 8
21	БАТТ, основатель Кирены	VII	Кирена	τάφος, Pind., Pyth. V, 93
22	МИЛЬТИАД Старший, основатель Херсонеса Фракийского	VI	Херсонес Фракийский	θύουσι ὡς νόμος οἰκιστῇ, καὶ ἀγῶνα ἵππικόν τε καὶ γυμνικόν ἐπιστάσι, Herod., VI, 38
23	КЛЕОМАХ, пал, обратив в бегство врага; καὶ τὸ παιδεραστεῖν πρότερον ἐν φόβῳ τιθέμενοι τότε μᾶλλον ἐτέρων ἠγάπησαν καὶ ἐτίμησαν (οἱ Χαλκιδαῖς)	VI	Халкида	τάφος, Plut., Amat. 17 (p. 760 F)
24	СТО ОРЕСФАСИЙЦЕВ*, пали, исполнив предсказанное Дельфийским богом, и вернули фиγαлийцам отечество	V	Фигаллия	πολυάνδριον; ὡς ἤρωσιν... ἐναγίζουσιν ἀνὰ πᾶν ἔτος, Paus., VIII, 41, 1
25	ФЕМИСТОКЛ: — как персидский правитель: — как основатель Пирея:	V	Магнесия Пирей	μνημεῖον, Thuc., I, 138
26	АГНОН, основатель Амфиполя	V	Амфиполь	τάφος, Paus., I, 1
27	БРАСИД, основатель Амфиполя	V	Амфиполь	Погребение на агоре, жертвы и состязания: Thuc., V, 11, 1
28	ЕВФРОН*, тиран Сикнионский, благодетель	IV	Сикнион	τάφος, Xen., Hell. VII, 3, 12
29	ПОДАР: τρίτα ἀνδραγαθίας (в Мантинейской битве) Ποδάρη νεμούσιον	IV	Мантинейя	ἠρῶον, Paus., VIII, 9, 9—10

№ п/п	Имя; обстоятельства, могущие объяснить погребение на агоре	Век	Город	Почести, источник
30	ТИМОЛЕОНТ, δι τοὺς τυράννους καταλύσας καὶ τὸν βαρβάρους καταπολεμήσας καὶ τὰς μεγίστας τῶν ἀναστάτων πόλεων οἰκίσας, ἀπέδωκε τοὺς νόμους τοῖς Σικελιώταις	IV	Сиракузы	ὁ δῆμος... Τιμωλέοντα... ἐτίμησε... εἰς τὸν ἅπαντα χρόνον ἀγῶσα... ἐποίησαντὶ δὲ τὴν ταφὴν τοῦ σώματος ἐν τῇ ἀγορᾷ, Plut., Timol. 39
31	ГЕРОПИФ, освободитель	?	Эфес	τάφος, Arr., Anab., I, 17, 11
32	АРАТ*, которого почтили ὡς περ οἰκιστὴν καὶ σωτῆρα τῆς πόλεως	III	Сикион	Plut., Arat. 53, 2—5; cf. Polyb., VIII, 12(14), 8; ... τιμὰς ἥρωϊκάς ἐψηφίσαντο.
33	Раздел II. Особые случаи: ГЕСИОД*	VIII	Орхомен	τάφος, Paus., IX, 31,6; 38,3; Plut., Conv. VII sap. 19, de soll. an. 13, 36
34	ЕПИМЕНИД*	до VI	Коринф	τάφος, Paus., II, 21, 3
35	ОРСИП	VIII	Мегары	Κοροΐβου (№ 9)... τέθαπτα πλησίον, Paus., I, 44, 1
36	АРИСТИЙ, с. Пратина	V	Флуунт	μνήμα, Paus. II, 13, 6

ках, непременно оговаривать, что по известным дням к ним могут принести цветы.

Сложнее вопрос о почестях мужам, отличившимся в науках, искусствах и подобном. Таковых в списке по сути дела нет, в чем легко убедиться, рассмотрев раздел II таблицы (считаем, что погребение на агоре героев, перечисленных в I разделе, не нуждается в особых пояснениях)¹⁰.

Гесиод (№ 33), конечно, не может считаться просто «поэтом», он прежде всего — любимец богов, милость которых видна из того, что они удостоивали Гесиода общения¹¹. О святости Епименида (№ 34), сына нимфы, Нового Курета, при жизни удостоенного божеских почестей и вкушавшего пищу богов¹², говорить излишне.

Орсипп (№ 35), первым обнажившийся на Олимпийских играх, — единственный, кажется, известный нам олимпиионик, погребенный на агоре. Победа на играх *evehit ad deos* — в отличие от сочинения истории. Кроме того, исключительность отличия вынуждает думать, что Орсипп стяжал почести как победоносный полководец и, следовательно, благодетель или даже спаситель отечества (о победах Орсиппа Павсаний вскользь упоминает).

Остается последний, более сложный случай, когда на первый, по крайней мере, взгляд погребения на агоре человек действительно удостоился за заслуги в изящной словесности. Из того, что можно счесть объяснением столь выдающегося отличия, Павсаний говорит об Аристии, сыне Пратина (№ 36), лишь одно: вместе со своим отцом он был лучшим сочинителем сатировских драм после Эсхила. Однако трудно себе представить, прежде всего, что именно за это Аристий удостоился героических почестей на агоре.

¹⁰ Относительно культа Фемистокла (№ 25) нужно заметить следующее. За безстрастными *ταύτης γὰρ ἤρχε τῆς χώρας* Фукидида легко предположить пышный перечень заслуг почившего правителя в каком-нибудь постановлении магнесьцев и почитание его как благодетеля. С другой стороны, в существовании культа можно и сомневаться: останки Фемистокла были тайно перевезены в отечество (*Thuc.*, I, 138), что не легко было бы сделать, если бы им воздавались почести на городской площади. Погребение Фемистокла в Пирее трудно истолковать иначе, чем погребение основателя (*Paus.*, I, 1). Клеомах (№ 23) не только доставил отечеству победу, пав в бою, что могло — в зависимости от обстоятельств — вызвать почитание его как благодетеля или даже спасителя, но и причастен к изменению отношения халкидян к τὸ παιδεραστεῖν (см. табл.). Связь же этого явления с Аполлоном, а последнего — с героизацией покойников достаточно известна.

¹¹ Ioannes Tzetzes, Γένος Ἡσιόδου, init.; *Hesiod.*, Theog. 24—32. Особое отношение самих древних к Гесиоду видно из знаменитого места: *Herod.*, II, 53: οὗτοι (sc. Homerus et Hesiodus) δὲ εἰσι οἱ ποιήσασα τε θεογονίην Ἑλλήσιν καὶ τοῖσι θεοῖσι τὰς ἐπινομίας δόχασα καὶ τιμὰς τε καὶ τέχνας διελόντες καὶ εἶδα αὐτῶν σημήσαντες.

¹² *Plut.*, Solo, 12, 7; *Suid.*, s. v.; *Diog. Laert.*, I, 109 et 114.

ре: его отец был много более знаменит, был первым писателем сатировских драм и ввел их в Дионисийские состязания¹³, но столь великого почета не стяжал. Кроме того, само погребение Аристия на агоре Флиунта — лишь предположение, делаемое на основе понятного, но без дополнительных сведений недоказуемого перевода *μνημα* как «могильный памятник»¹⁴. Если же все-таки предположить, что могила Аристия на агоре существовала и удостоился он ее за труды на драматическом поприще, не следует забывать, что труды эти были — опять-таки в отличие от сочинения истории, занятия вполне мирского, — священным служением Дионису и как тако- вые могли при некотором стечении обстоятельств¹⁵ оказать влияние на посмертную судьбу поэта. Наконец, в этом и других сомнительных слу- чаях следует допускать действие таких причин, о которых мы ничего не знаем: вероятно, в дельфийской «аксегетике» имелись приметы, по которым можно было установить героический характер покойника»¹⁶.

Итак, из предложенного списка оказалось невозможным извлечь дово- ды в пользу того, что кто бы то ни было в лучшие времена Греции мог удо- стоиться погребения на агоре, не сопряженного с героическим культом, или пользовался бы культом ради заслуг в том, что мы называем сейчас наука- ми и искусствами¹⁷. Остается признать, что Геродота почитали после смер- ти на агоре Фурий как героя, но не за то, что он сочинил историю¹⁸.

¹³ Suid., s. v. Πρατίνας.

¹⁴ Cf. Passow Fr. Handwörterbuch der griechischen Sprache. 2. Bd., 2. Abt., 51852, S. 262, s. v.

¹⁵ 'Αχιμή Πρατίνα приходится приблизительно на 500 г. Сын его мог, значит, скон- чаться в 40-х или 30-х годах V в., когда Афины и Дельфы довольно косо взирали друг на друга. В этих условиях героизация *пелопоннеского* служителя Диониса могла бы иметь некоторое политическое значение. Это, конечно, догадка, на которой настаивать нельзя.

¹⁶ Зелинский Ф. Ф. Религия эллинизма. Пг., 1922, с. 88.

¹⁷ Р. Мартен (Op. cit., p. 199) считает погребенным на агоре в Лампсаке и Анак- сагора. Но Алкидамант у Аристотеля (Rhet. II, 22, p. 1398 b 16 — у Мартена ошибоч- но назван Элий Аристид; ср. *Diog. Laert.*, II, 15) говорит только, что Λαμψακηνοί 'Αναξαγόραν ξένου οὐτα ἔθαψαν καὶ τιμῶσι ἔτι καὶ νῦν, и притом названным вместе с Анаксагором мужи на агорах не погребались. Свидетельство Элиана (Var. hist. VIII, 19: ὅτι καὶ βωμὸς αὐτῷ ἵσταται καὶ ἐπιχέγραπται ὁ μὲν Νοῦ ὁ δὲ 'Αλγηθείας), по- жалуй, исключает возможность погребения на агоре: разделение культа между гроб- ницей и алтарем было бы в данном случае трудно объяснить, а считать, что алтарь (βωμὸς) стоял на могиле (Зайцев А. И. Культурный переворот в древней Греции VIII— V вв. до н. э. Л., 1985, с. 136), нельзя: Κακῶς δρ' ἐξόλοιο κάξολεϊγέτοι, | ὅστις γε τομῆς σῆμα τὸν βωμὸν καλεῖν (*Aristoph.*, Thesmoph., 887—888). Если бы Анаксагор и впрямую был погребен на агоре, это было бы довольно веским доводом против наших построений. Впрочем, и тогда можно было бы сказать, что лампсакийцы почитали в Анаксагоре не ученого, но божественного провидца неких тайн (*Diog. Laert.*, I. I., epigr.; *Plin.*, NH, II, 149; *Plut.*, Lysander, 12). Сюда же можно отнести известия о при- частности его тайной мудрости египтян — *Cedren.*, I, p. 165, 18 Bekk.; *Amm. Marc.*, XXII, 16, 22; последнее свидетельство, учитывая особый интерес Аммиана к египет- ским древностям, следует считать заслуживающим особого внимания. Мы сознательно не останавливаемся на вопросе о сверхчеловеческих почестях отличившимся в сочини- тельстве и науках, воздаваемых вне агоры, рассчитывая заняться этим вопросом в осо- бой работе. Видимо, и здесь кажущиеся исключения вроде Гомера (говорить о котором излишне) или Софокла (сакрально связанного с Асклепием и героями-целителями, а позже ставшего одним из *этих* героев) только подтверждают предположение о том, что заслуги в науках или искусствах героическим культом не вознаграждались. Сле- дует, впрочем, иметь в виду, что если почести на агоре могли воздаваться только от имени всей общины, то вне агоры ничто не мешало одному или многим частным лицам воздавать умершему почести, при всем внешнем сходстве с культом не имеющие важ- нейшего его признака — общепризнанности. Так, Эсхилу приносили жертвы, в его честь ставили драмы (Vita Aeschyli), но делали это только ὄμοις ἐν τραγῳδίαις ἢ ὁ βίος (ibid.), и Эсхил, вероятно, был героем не больше, чем Платон, которому возни- гал лампаду иной добрый католик во Флоренции времен Лоренцо Великолепного, — католическим святым.

¹⁸ Надпись на могиле Геродота, сообщенная Стефаном Византийским (s. v. Θέρσιος), безусловно, поздняя: для ее сочинителя Геродот — *σραχίης ἱστορίης τρύτατος*, ср. *Vallier A. Herodots Biographie.* — In: *Sitzungsber. d. Wien. AdW. Philosoph.-hist. Kl.*, Bd. 89, 1878, S. 404; следует обратить внимание и на употребление слова *ἱστορίης* в позднейшем его значении. Она не может подтверждать или опровергать сказанное:

Легче всего было бы представить себе, что Геродот удостоился культа как один из основателей города¹⁹, тем более что в Фуриях не остался, насколько можно судить, ни один из видных участников первого или второго основания города²⁰. Это предположение оказывается, однако, очень маловероятным, ибо мы знаем, что в Фуриях был спор об основателе, и знаем, чем он закончился (Diod., XII, 35, 1—4): «...в Италии собравшиеся из многих городов жители Фурий затеяли распрю о том, какого города отселенцами называться фурийцами подобает и кому справедливо будет называться основателем. (2) И афиняне притязали на ту колонию, объявляя, что большая часть жителей пришла из Афин, а там и пелопоннесские города, предоставившие от себя немалое число людей для основания Фурий, заявили, что им должна быть приписана честь выведения колонии. (3) Равным образом и оттого много велось речей, что многие доблестные мужи участвовали в основании и сделали много полезного: ведь каждый стремился удостоиться этой чести. Наконец, когда фурийцы послали в Дельфы, дабы спросить, кого должно называть первоначальником города, бог проведал, что подобает почитать основателем его самого. (4) Таким образом спорам был положен конец: Аполлона провозгласили основателем города, и народ, оставив раздоры, вернулся к преждебывшему согласию» (перевод наш. — Р. Г.).

Приведенное свидетельство более или менее исключает возможность погребения Геродота на агоре как основателя²¹ и притом, что для Геродота как историка честь эта — как мы попытались показать выше — невелика, заставляет отнестись к разряду спасителей и благодетелей. Сделанный нами вывод, довольно интересный для жизнеописателя Геродота и сам по себе, следует рассмотреть в сравнении с имеющимися известиями о жизни историка, с тем хотя бы, чтобы подтвердить его или опровергнуть. Имеет, на наш взгляд, отношение к делу следующее:

1. Происхождение Геродота τῶν ἐπιφανῶν (Suid., s. v. Ἡρόδοτος). Свидетельство вызывает некоторые разногласия среди исследователей²², которые в зависимости от того, каким они представляют себе Геродота,

еще при жизни Геродота начались столь просвещенные времена, что почитание «новых» героев не могло не пошатнуться. Достаточно вспомнить, как лишился в пользу Брасида своих почестей Агнон (*Thuc.*, V, 11, 1).

¹⁹ Он явно прибыл в Фурии в самом начале истории города, а знаменитую награду в 10 талантов (см. прим. 27) с основанием Фурий связывал Якоби.

²⁰ Об основании Фурий см. *Diod.*, XII, 10 sqq.; *Ehrenberg V. The Foundation of Thurii.* — *AJPh*, 1948, 49, p. 149—170. Наиболее подходящим для провозглашения основателем лицом был Лампон (о нем см. *Ehrenberg*. *Op. cit.*, p. 164). В год постановки «Птиц» Аристофана (414) он, судя по шуткам поэта, был в Афинах (*Av.* 521, 988).

²¹ Некоторое сомнение порождают источники, подобные надписи Syll. ³ 653 III в. до н. э.: (1) Κάρσανδρον Μεγαρέων ἐτίμησεν ... (2) ἡ πόλις ἡ Μεγαρέων δάφνης στυφάνου παρὰ τοῦ Ἀπόλλωνος τοῦ τῆς πόλεως ἀρχηγέτου. Точный смысл приведенных слов заставляет предположить, что Аполлон был основателем Мегар, а не просто почитался как Ἀπόλλων Ἀρχηγέτης. При этом из Павсания (I, 39, 5; 42, 1, ср. *Steph. Byz.*, s. v. Μέγαρα) мы узнаем, что на одном из мегарских акрополей почитался герой Мегарей, от которого город получил имя. Далее, из Павсания же (VIII, 3, 4; 8, 4) известно о существовании эпонимного героя Мантиней, но на агоре мантинейцев почиталась еще и Антиноя, тоже бывшая в некотором смысле основательницей города (см. табл., № 15).

²² См. перечень относящихся сюда сочинений: *Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота.* Л., 1957, с. 180, прим. 2. Из их числа заметка: *Körte A. Der Adel Herodots.* — *Hermes*, 1924, Bd. 59, S. 119—121, почти убеждает в том, что Геродот не был знатен, ибо не мог принадлежать к старой эллинской знати. Следует, однако, предложить некоторые возражения. Во-первых, даже если историк не был потомком трезенских основателей, ничто не мешает предположить, что он происходил от знати местной. Во-вторых, изящное сопоставление с надписью Syll. ³ 1020 (I в. до н. э.), которая, перечисляя потомков основателей, совершенно не содержит варварских имен, не совсем правомерно. То, что галикарнасские аристократы римского времени не носили карийских имен, легко объяснить исчезновением карийского языка и людей, создающих себя карийцами. В-третьих, отрицание для знатного человека возможности написать стихи «mit so gräßlicher Frivolität» в отношении к аристократическим ценностям, как это сделал, по мнению Кёрте, Паниассий (fr. 14 Kinkel), не учитывает хотя бы того, что дядя Геродота мог быть в своем кругу enfant terrible вроде Архилоха.

придают слову ἐπιφανής смысл «богатый», «знатный», «богатый и знатный». Сделанные нами предположения о почитании Геродота как героя после смерти и о том, что при жизни он мог оказывать благодеяния целому государству, позволяют смело воспользоваться оттенками значения, наиболее свойственными этому слову²³. Перевод «из знаменитых», не оставляя сомнений относительно знатности, богатства и, пожалуй, влияния Геродотова рода, будет хорошо согласовываться с одним необъясненным оттенком в статье Свида о Геродоте.

2. Участие Геродота в свержении тирании, которое новейшими историками в порядке «усреднения», создающего видимость критической работы, а priori преуменьшается²⁴, Свида определяет весьма внушительно: ἐλθόν ... εἰς Ἀλικαρνασσὸν καὶ τὸν τύραννον ἐξέλασας... Не следует ли считать, что слова Свида значат именно то, что значат? Ведь даже то, что Геродот удалился из отечества, «когда увидел, что граждане завидуют ему»²⁵, больше напоминает особу выдающуюся, чем простого гражданина из знатных, некогда боровшегося с тираном, даже если не задумываться о содержащемся в свидетельстве Свида противопоставлении Геродота всему гражданству Галикарнасса, которое едва ли понятно в применении к человеку, не вознесенному надо всеми или хотя бы надо многими другими²⁶.

3. Именно с тем образом Геродота, который начинает у нас вырисовываться, легко связывается известие о награждении историка по постановлению Совета и народа афинского десятью талантами²⁷.

Итак, нами сделано и, как кажется, в какой-то мере обосновано допущение о почитании Геродота после смерти как ὁ ἥρωας. Это допущение дает возможность по-новому оценить некоторые из немногочисленных дошедших до нас сведений о жизни историка и, в частности, попытаться более точно, чем раньше, определить общественное положение его.

Р. А. Гимадеев

²³ Passow F. Handwörterbuch..., 1. Bd., 2. Abt., Lpz, 1847, S. 1132, s. v.: «ausgezeichnet, angesehen, vorzüglich, berühmt, edel, erlaucht». Ср. Sophocles F. A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. N. Y.—Lpz, 1890, p. 516, s. v.: «nobilis».

²⁴ Ср. Лурье С. Я. Геродот. М.—Л., 1947, с. 10: «Очевидно, тиран Лигдамид был действительно свергнут в юности Геродота».

²⁵ Suid., I. 1.: εἶδεν ἑαυτὸν φθονούμενον ὑπὸ τῶν πολιτῶν; cf. epigr. ap. Steph. Byz., I. 1., v. 3—4: ... ἀτλήτων/μύρων ὑπεκπροφυγῶν Θούριον ἐσχε πάτρην.

²⁶ Картина событий в Галикарнассе времен правления Лигдамида вряд ли может быть восстановлена или по крайней мере должна быть предметом особых разысканий. Тот, кто предпримет их, столкнется, видимо, с необходимостью определить свое отношение к следующим сопоставлениям. В городе в течение поколений правил варварский — что видно уже из имен — владетельный дом (степень причастности правителей, из него происходящих, эллинской культуре значения, конечно, не имеет). Само существование туземного правителя естественно противопоставляло его греческой верхушке города (в общем смысле: легко представить себе обстоятельства, в которых такое противопоставление ощущаться не будет). К этой верхушке, видимо, не относились люди, среди предков которых было так много носящих варварские имена, как среди родных Геродота (ср. Körte. Op. cit.). Следует еще заметить, что мнения Геродота о богах вряд ли совместимы с признанием истинности аристократических родословий (ср. Kaiser M. Herodots Begegnung mit Ägypten.—In: Mörenz S. Die Begegnung Europas mit Ägypten. B., 1968, Sitzungsber. d. Sächs. AdW, Philol.-hist. Kl, Bd. 113, Ht. 5, S. 213 ff.), а известное место об исчислении Гекатеем своих предков египетским жрецам (II, 143), как его ни толкуй, весьма ехидно. Приходится предположить не только, что Геродот относился к местной знати, но и что среди этой знати были люди, которые, соперничая с правящим домом в борьбе за власть, были при этом достаточно далеки и от эллинской общины, и от ее верхушки. Это сказалось после уничтожения тирании (известно об удалении Геродота из Галикарнасса). Принятое у старых историков отнесение Геродота и Паниассия к вождям народной партии (см., например: Curtius E. Griechische Geschichte. 2. Bd. B., 1888, S. 272) гораздо, на наш взгляд, менее вероятно, чем предлагаемое нами построение.

²⁷ Diyllus ap. Plutarchum, de malignitate Herodoti, 26.

Accepting as authentic the information] given] in the *Suda* (s. v. Ἡρόδοτος) about the burial of Herodotus in the agora of Thurii, the author considers what evidence there is of agora burials. He comes to the conclusion that in the classical period an honour of this kind could hardly not have been associated with a hero-cult and, as far as one can judge, it was not a reward for literary merit. It follows that after the death of Herodotus he was worshipped as a hero, while in life he was able to be of very great service to the people of Thurii. Both the one and the other — the burial honours and the benefactions — are, in the author's opinion, further testimony to the very high social status of Herodotus.

ГЕРОИ КИММЕРИЙСКИХ И СКИФСКИХ ЛЕГЕНД В ГРЕЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ И ВАЗОВОЙ ЖИВОПИСИ

VII—VI вв. до н. э.

Историки и литературоведы редко обращаются к греческой вазовой живописи, гораздо чаще искусствоведы. Для того чтобы истолковать тот или иной сюжет, исследователи ищут опору в письменных памятниках. А между тем росписи на вазах содержат бесценные и далеко еще не полностью расшифрованные сведения об утраченных мифических сказаниях. Они жили либо в устной традиции, либо в эпических поэмах, где своеобразно преломлялась историческая действительность. Особый интерес представляют сцены, изображающие неизвестные по письменным источникам варианты прославленных сказаний. Такова, например, игра в кости, в которой участвуют Ахилл и Аякс, на знаменитой чернофигурной вазе мастера Эксекия или краснофигурный килик мастера Дуриса с изображением сторожащего золотое руно дракона, который проглатывает Ясона¹.

К числу таких сцен относятся калидонская охота на верхнем фризе вазы Франсуа² и амазономахия, где участвуют персонажи со скифскими именами и в восточных одеждах³. Эти широко известные искусствоведам памятники до сих пор не привлекали серьезного внимания историков и филологов.

Содержание мифа о калидонской охоте известно по «Илиаде» (IX 529—606) — древнейшему произведению греческой литературы. Авторы VII—VI вв.⁴ неоднократно обращались к этому сюжету: о Мелеагре, герое сказания, писал Гесиод (Paus, X, 31, 3; fr. 135 Rzach); существовало сочинение Стесихора «Охота на вепря» (Athen., III, 95D), от которого сохранились два незначительных фрагмента. О калидонской охоте упоминалось в дифирамбе Клеомена из Регия (рубеж VI—V вв.) и, вероятно, в стихах Ивика (вторая половина VI в.), а в первой половине V в. — у Пиндара (Isthm. VII, 31) и Вакхилида (V, 94—154). Авторы эллинистиче-

¹ Snodgrass A. Archaic Greece. The Age of Experiment. L., 1980, p. 191; репродукция рисунков названных ваз см.: Boardman J., Dörig J., Fuchs W., Hirmer M. Die griechische Kunst. München, 1966, tabl. XVII, 134.

² Ваза названа по имени нашедшего ее в 1845 г. археолога А. Франсуа, хранится в Археологическом музее во Флоренции. Ее репродуцируют во всех подробных изданиях по истории греческого искусства. Наиболее полное издание: Minto A. Il vaso François. Milano, 1960.

³ Полный свод ваз со сценами амазономахии в кн.: Bothmer D. Amazones in Greek Art. Oxf., 1957.

⁴ Все даты относятся к периоду до нашей эры.